

РЕГАТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ЗНАКОМЬТЕСЬ: Янина Наркевичюте, человек необычайной судьбы. Ее хорошо знают, а поэтому и крепко любят в Каунасе. Любят за увлеченность прекрасным, за доброе сердце, за редкое умение сделать жизнь окружающих полнее, красивее, содержательнее. Влюбленная в искусство, она стремится поставить его на службу людям; использовать его неограниченные возможности для эстетического воспитания; уполномоченная народом, она растит таланты для народа. Сегодня мы открываем новую рубрику:

ЧЕЛОВЕК-ЛЮДЯМ

Под этой рубрикой найдут свое место материалы об энтузиастах фронта культуры и искусства, вся жизнь которых посвящена людям. Мы начинаем рубрику очерком о Янине Наркевичюте (2-я страница).

МОЖНО БЫ НАЧАТЬ ТАК:

— Высокая, статная, с твердым, волевым и в то же время очень милостивым, женственным лицом, с глазами внимательными и острыми...

Непрошенный штамп неизбежно поссорит меня с героиней, ибо она-то как раз человек, чуждый какого бы то ни было штампа.

Надо начинать иначе.

ДВА ГОДА НАЗАД Каунас праздновал двадцатилетие освобождения от коричневой чумы. Праздновал радостно, широко, как умеют праздновать только у нас, и своеобразно, как умеет праздновать только он. Праздник принял формы ночного массового представления, в котором участвовало свыше тысячи актеров — профессиональных и самодеятельных: это были радостные эпизоды прихода в город частей Советской Армии.

Таинственно и торжественно трепетали языки факелов. Беспощадно били в глаза взбрыжки прожекторов. То и дело врзались в черное небо многоцветные стрелы ракет. Снова и снова перед глазами людей мелькали кадры незабытой истории.

...Повидавший виды танк-ветеран, латаный, прокопченный. Танкист лихо размахивает шлемом. И со всех сторон летят к нему охапки пышных, июльских цветов.

...Старый профессор прижимает к груди безусого мальчика в линялой гимнастерке. Он мог бы быть его учителем или дедом, если бы война не сорвала крышу с отчего дома.

Артисты играли самозабвенно.

И произошло непредвиденное. Зрители позабыли, что они присутствуют на театрализованном представлении, что с того счастливого дня прошло уже целых двадцать лет. Они вскочили со своих мест, бросились к импровизированной эстраде, сжали в объятиях артистов, как действительных героев незабываемых событий.

Такое не забывается.

В Каунасе сложилась прочная традиция — все знаменательные даты праздновать на улицах и площадях массовыми театральными представлениями, гуляньями, карнавалами. Тут все музы пируют вместе, соревнуясь в находчивости, изысканности, красоте. Традиция сложилась в новые времена. Но разве она не берет начало в мечтах Адама Мицкевича, всей душой стремившегося создать драму синтетическую, монументальную, которая должна соединить в себе различные виды народного творчества — от песни до эпопеи?

Веснами съезжаются в Долину поэзии Соловьиного парка поэты всей Литвы, прибывают гости — представители многонациональной литерату-

ЧЕЛОВЕК-ЛЮДЯМ

ры. И происходит турнир талантов. Призы Саломеи Нерис получают достойнейшие — за гражданственность, за современность, за романтичность, за лирику.

Есть в Каунасе неписанный закон: как бы ни была хороша найденная форма, не повторять ее. Искать!

НА ОДНОЙ из замшелых крутогорных улиц старого города есть нарядный домик. Его большие современные окна как бы притягивают к себе скудные лучи зимнего солнца. На пороге — хозяйка: народный художник Советской Литвы Анеля Миронайте. Волшебница, ткающая сказочные ковры.

С волнением переступаем порог. Ковры, циновки, дорожки, скатерти. Трудно поверить, что все эти многоплановые, сложные и по сюжету, и по композиции, богатые тончайшими цветовыми нюансами, картины созданы одними и теми же руками. Руки художницы, всю жизнь работающей в стародавней технике ткачества. Какое богатство светотени, какая строгость и точность рисунка, какая смелая фантазия, какое совершенное владение орнаментом!

«Моя Родина» — девушка, с лицом живым, словно вот только что зардевшимся смущением. Кругом разбросаны условные, по-детски упрощенные домики — символ уюта и миролюбия.

«Дружба народов» — композиционно четкое, темпераментное полотно, насыщенное драматизмом. Оно знаменует нерушимый союз людей труда пяти континентов.

Почти с иконописной тщательностью выткан портрет писательницы Юлии Жемайте. Мудрое, и печальное лицо. Скорбно и решительно сжаты губы. Приспущены усталые веки. Мягкие волны платка обрамляют простое и прекрасное лицо писательницы-крестьянки...

И невольно переводишь взгляд с портрета на автора. Что-то роднит этих двух литовских женщин. Судьбы их и схожи, и различны. Когда был напечатан первый рассказ Жемайте, ей шел уже пятидесятый. И чуть ли не сорока лет не очень-то грамотная литовская женщина Анеля Миронайте стала студенткой, а немного позже — признанной художницей. Юлия с трудом пробивала дорогу; опытные и заботливые люди помогли расцветить таланту Анели...

Не хочется покидать уютный до-

мик, где поселилась нежная и чистая, находчивая и озорная литовская народная сказка. Но нас ждут новые встречи.

НОЧЬ. Каунасский драматический театр. Только что кончился спектакль. Еще не погасли огни в вестибюле, а здесь, в маленькой актерской гостиной, уже бушуют новые страсти. Идет горячий спор: что значит — современно играть Достоевского? Необходимо ли воспроизведение точного петербургского колорита, или можно перенестись в мир символов, обобщений и играть общечеловеческую скорбь, общечеловеческую идею добра, достоинства, которую никто и никогда не может унижить и оскорбить? Что же есть подлинная современность?

В самом эпицентре дискуссии-экспромта — еще не успевший смыть грим заслуженный артист республики Антанас Габренас. Слушает его вот-вот готовая вступить в спор юная актриса Рута Сталилюнайте. А над спорщиками, словно прислушиваясь и одобряя, чуть улыбается через свое неизменное пенсне Константин Сергеевич Станиславский. Трудно понять, как попал сюда в 1931 году этот портрет с его собственноручной надписью. Станиславский напоминает каунасским артистам о высокой миссии — воспроизведению на сцене жизни человеческого духа. «Очень бы хотел помочь вам тем, что в моих средствах...».

Давно уже затихли шаги у театрального подъезда. А артисты все еще спорят. Ищут ответа, отвергают и снова ищут. Потому что и здесь, в этом театре, царствует все тот же закон — решать все вопросы творчески, не оглядываясь на расписание и регламент. Открывать! И никогда не повторяться!

ПРИ ЧЕМ ЖЕ ТУТ заявленная в начале очерка его героиня? И кто она?

Это Янина Наркевичюте. Ее в Каунасе знают все. Она — заслуженный деятель культуры, заместитель председателя горисполкома, ведающая вопросами культуры.

«Ведающая вопросами»... Как казенно и сухо звучат знакомые слова. И как много они значат, если иметь в виду Янину Наркевичюте!

Она влюблена в свой город, в его художников, артистов, певцов, библиотечарей, краеведов, в его архитектурные ансамбли и реликвии древности, в его современные традиции и героическое прошлое.

Нельзя сказать, что творческая инициатива, бурлящая в этом городе, исходит только от нее. Что не было бы Наркевичюте, и не случилось бы солнце на коврах Анели Миронайте, не бурлили бы созидательные споры в среде художников и артистов, не рождались бы массовые представления, возбуждающие умы и переполняющие сердца. Тут трудится большой коллектив общественников-энтузиастов. Но Янина Валериановна всегда рядом. Она помогает ремонтировать домик народной художницы Анели Миронайте, она переселила в розовый сад старого витражиста Стасиса Ушинскаса. Она хлопотет о будущем музее города, создаваемом руками общественности в здании храма Перкунаса. Она мечтает о превращении старой ратуши в Дворец бракосочетания. Она следила за реставрацией старой харчевни «Охотничий заход», где когда-то бывал Мицкевич, и открыла ее для людей. Она присутствовала при рождении всех сценариев массовых празднеств и оберегала их от скептиков. Музей Чюрлениса, галерея витража и скульптуры, где произведе-

ния изобразительного искусства как бы обрамлены звуками органа и симфонического оркестра. Уникальный музей Жмуйдзинавичюса и экспозиция поразительных скульптур Эльжбеты Даугвилене...

Наркевичюте одной из первых узнала, что одинокая старая рукодельница Эльжбета тайно от всех создавала скульптурные композиции из древесной коры. До самой ее смерти никто не видел «Повстанцев» и «Крепостного гнета» и, наконец, рожденного в черную ночь оккупации реквиема мученикам Освенцима. Янина Валериановна поняла, что это сокровища, созданные удивительным художником. И вот они — достойные музея.

Люди идут, идут к ней, несут свои замыслы и сомнения, делятся новостями — и творческими, и семейными. И она с присущими ей чувством нового, вкусом и эрудицией поддерживает, помогает, вдохновляет, советует.

ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИЧНАЯ. У цельных людей она не разбивается на две чужеродные половинки. Мы еще раз убедились в этом, переступив порог квартиры Янины Валериановны. Она вовсе не коллекционер, хотя стены ее комнат увешаны картинами, барельефами, гравюрами, редкими фотографиями. Пробой пера, резца, кисти здесь представлено все, чем живут, над чем работают художники сегодняшнего Каунаса. И здесь видно другое: склад души, характер, взгляды и вкусы, да и сам жизненный путь Янины Наркевичюте.

Портрет Героя Советского Союза Марите Мельникайте работы Эрикаса Карнаса. Эта девушка — героиня из того же поколения, к которому принадлежит Янина. Страстные листы трагически погибшей художницы Марцеллы Катилюте. Открытое свету, прекрасное лицо Саломеи Нерис. Экспрессивная, пластичная «Африка» скульптора Константина Тулени. И — Мицкевич, Мицкевич, Мицкевич. В мраморе и бронзе, в терракоте и гипсе, репродукции и подлинники... На столе — снимок девушки, стройной, остроглазой. Это Янина Наркевичюте, вожак комсомоли озерного края Тракая. О, ее первая регата!

Она была назначена на воскресенье в июне сорок первого...

Регата не состоялась. Секретарь укома партии сказал коротко: «война!». И это короткое слово перевернуло все. Янина Наркевичюте была подготовлена к ней всем опытом своей юной жизни. И безмерной тоской материнских народных песен. И суровой честностью старого литовского лесника — отца. И той, еще не очень зрелой мудростью, распространявшейся подпольным молодежным кружком. Она жаждала подвига, и ее забросили в партизанский тыл.

Потом — страшная катастрофа. Боль. Слепота. Чудом удалось вывезти ее в Москву. Долгие, томительные дни и ночи борьбы со смертью, с увечьем. Врачи до сих пор поражаются ее силе воли, считают ее исцеление чудом. А глядя на нее сегодня — подтянутую, статную, всегда уравновешенную и жизнерадостную, — невозможно поверить, что ее так искалечила война.

Она вернулась в строй. Каждую весну скользят по глади Каунасского моря быстроскрылые яхты-чайки. Ее регата! Ее многократно состоявшаяся регата!

И еще один снимок — те же озорные, чуть прищуренные глаза, та же упрямая и решительная линия лба. Бируте, дочка Янины, подросток.

...Бируте, Бируте... Таким было партизанское имя матери...

НА ПРОЩАНИЕ я хочу показать вам Каунас ночью, — говорит Янина Валериановна. И мы едем по заледенелым зимним улицам в верхнюю часть города. Вот парк, дубовая аллея. Причудливые, фантастичные старые деревья, отреставрированные изморозью. Снизу слабый свет озаряет бронзовый бюст. Высокий, чистый лоб. Тонкое, нервное, одухотворенное лицо Витаутаса Монтвила, литовского Джалила. Одна из самых вдохновенных работ Костаса Наркевичюса.

А внизу сплетаются и рассекаются на бесчисленные тончайшие узоры гирлянды огней. Задумчиво смотрит на эту величественную панораму моя спутница, и в памяти сердца зреют слова литовского поэта, сказанные, право же, именно про таких, как она:

Подчинилась земля мне, и я Одарил ее красотой. Земля сотворила меня. Я же землю пересотворил — Новой, лучшей, прекрасной — такой. Никогда она не была!

Ольга МАКАРОВА, соб. корр. «Советской культуры». Рисунок М. Острауснаса, КАУНАС

Она была назначена на воскресенье в июне сорок первого...

Регата не состоялась. Секретарь укома партии сказал коротко: «война!». И это короткое слово перевернуло все. Янина Наркевичюте была подготовлена к ней всем опытом своей юной жизни. И безмерной тоской материнских народных песен. И суровой честностью старого литовского лесника — отца. И той, еще не очень зрелой мудростью, распространявшейся подпольным молодежным кружком. Она жаждала подвига, и ее забросили в партизанский тыл.

Потом — страшная катастрофа. Боль. Слепота. Чудом удалось вывезти ее в Москву. Долгие, томительные дни и ночи борьбы со смертью, с увечьем. Врачи до сих пор поражаются ее силе воли, считают ее исцеление чудом. А глядя на нее сегодня — подтянутую, статную, всегда уравновешенную и жизнерадостную, — невозможно поверить, что ее так искалечила война.

Она вернулась в строй. Каждую весну скользят по глади Каунасского моря быстроскрылые яхты-чайки. Ее регата! Ее многократно состоявшаяся регата!

И еще один снимок — те же озорные, чуть прищуренные глаза, та же упрямая и решительная линия лба. Бируте, дочка Янины, подросток.

...Бируте, Бируте... Таким было партизанское имя матери...

НА ПРОЩАНИЕ я хочу показать вам Каунас ночью, — говорит Янина Валериановна. И мы едем по заледенелым зимним улицам в верхнюю часть города. Вот парк, дубовая аллея. Причудливые, фантастичные старые деревья, отреставрированные изморозью. Снизу слабый свет озаряет бронзовый бюст. Высокий, чистый лоб. Тонкое, нервное, одухотворенное лицо Витаутаса Монтвила, литовского Джалила. Одна из самых вдохновенных работ Костаса Наркевичюса.

А внизу сплетаются и рассекаются на бесчисленные тончайшие узоры гирлянды огней. Задумчиво смотрит на эту величественную панораму моя спутница, и в памяти сердца зреют слова литовского поэта, сказанные, право же, именно про таких, как она:

Подчинилась земля мне, и я Одарил ее красотой. Земля сотворила меня. Я же землю пересотворил — Новой, лучшей, прекрасной — такой. Никогда она не была!

Ольга МАКАРОВА, соб. корр. «Советской культуры». Рисунок М. Острауснаса, КАУНАС